

Fraissinet E. Первый период христианства в Японии: [Из кн.: *Le Japon. Histoire, descriptions. Rapports avec les Européens. Expédition Américaine. Paris, 1853*] / Пер. В. Л. Тихомировой; примеч. Л. А. Тихомирова // *Богословский вестник* 1904. Т. 3. № 11. С. 509–536 (2-я пагин.)

ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ ХРИСТИАНСТВА ВЪ ЯПОНИИ *).

Успѣхи католицизма въ управленіе отца Космы Торреца.

Несмотря на восхищеніе короля и его вельможъ передъ новымъ ученіемъ и сознательное уваженіе къ его совершенству, никто изъ нихъ не собирався однако креститься, не рѣшаясь принять такую строгую религію. Лишь позднѣе король Бунго принялъ христіанство. Это было тогда, когда число христіанъ сдѣлалось достаточно велико, чтобы составить партію, способную поддержать его противъ бонзъ и ихъ сторонниковъ. Впрочемъ, послѣ отъѣзда святого Франциска, онъ не переставалъ всячески помогать проповѣдникамъ; онъ далъ имъ въ столицѣ домъ для жительства и средства для существованія.

*) *Поправки:* Въ примѣчаніи № 2 („Богосл. Вѣстн.“ Октябрь) сказано о сомнѣніяхъ относительно пребыванія Ф. Ксаверія въ Японіи. Не настаиваю на этихъ словахъ, хотя гдѣ то читалъ выраженіе даже такихъ сомнѣній. Но во всякомъ случаѣ даже у такого документальнаго писателя какъ г. Костылевъ сказано: „Неизвѣстно въ точности (?) около какого времени началось распространеніе католичества въ Японіи и насколько достовѣрно указаніе, что распространеніе католичества началось въ провинціи Бунго въ 1552 г. Францискъ Ксаверій былъ въ Японіи въ 1549—1551 г., но пришелъ къ заключенію, что полнѣйшій успѣхъ предстоитъ миссіонерамъ (?) а потому послѣ безплодныхъ попытокъ проповѣди удалился изъ Японіи. Это даетъ основаніе думать, что распространеніе христіанства началось послѣ 1552 г.“ („*Очеркъ Исторіи Японіи*“, стр. 259). Всѣ эти неточности совершенно разъясняются въ сочиненіи Фрассине.

Въ примѣчаніи № 9 содержится описка: сказано „Тэнцику-коку-зэнъ“ (то есть „человѣкъ Индійскаго государства“). Должно быть просто „Тэнцику-зэнъ“, то есть „человѣкъ Индіи“—Индіецъ.

Л. Т.

Онъ также далъ жалованную грамоту, разрѣшавшую имъ проповѣдывать во всѣхъ его земляхъ, а подданнымъ становиться христіанами. Но не было ни малѣйшаго указація на то, чтобы онъ самъ хотѣлъ сдѣлаться христіаниномъ. Такое поведеніе заставляло долгое время думать, что онъ благопріятствовалъ христіанамъ только для сохраненія сношеній съ Португальцами. Такъ король держалъ себя двадцать семь лѣтъ, пока не рѣшился наконецъ креститься.

Онъ это сдѣлалъ, лишь изучивъ всѣ японскія секты и убѣдившись, что ни одна изъ нихъ не удовлетворяла его сильнѣе, чѣмъ ученіе европейцевъ.

Однако, любовь къ христіанской религіи зародилась у него впервые еще съ ранняго дѣтства. Ему было лѣтъ девять—десять, когда онъ спасъ отъ величайшей опасности Португальцевъ, прибывшихъ въ Фунэ на кораблѣ, капитаномъ котораго, какъ и Самипочека, былъ китайскій пиратъ. Китаецъ, сойдя на берегъ, отправился къ королю и сказалъ, что у него на борту было нѣсколько европейскихъ торговцевъ, обладателей богатѣйшихъ товаровъ, и что, если король велитъ ихъ арестовать, какъ злонамѣренныхъ чужеземцевъ, то можетъ овладѣть ихъ имуществомъ.

Какъ можно себѣ представить, негодѣй рассчитывалъ получить что-нибудь на свою долю.

Король, сильно заинтересованный, выслушалъ сочувственно эти рѣчи. Замѣтивъ это, молодой принцъ пошелъ къ отцу и представилъ ему всю недостойность подобнаго поступка. Отецъ скоро уступилъ чувству справедливости своего сына. Португальцы высадились въ Фунэ. Одинъ изъ нихъ, Жуанъ Вазъ, остался тамъ надолго и даже довольно хорошо ознакомился съ языкомъ страны.

Другой, по имени Діего, никогда не пропускалъ своихъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ, а часто молился и днемъ, перебирая четки. Молодой принцъ сказалъ ему однажды: „Діего, кому вы молитесь съ такимъ усердіемъ—нашимъ камнѣмъ и жотожъ?“ Португальскій купецъ, ласково улыбнувшись, отвѣчалъ съ кротостью, порождаемой искреннимъ благочестіемъ: „Государь, я обращаюсь въ своихъ молитвахъ вовсе не къ этимъ каменнымъ и металлическимъ богамъ, а къ всепогущему Создателю неба и земли. Ваши боги, прибавилъ онъ, не имѣютъ ни ушей, чтобы выслушать меня, ни рукъ,

чтобы мнѣ сдѣлать добро. Но Тотъ, Которому я поклоняюсь, наполняетъ весь великій міръ Своимъ присутствіемъ и благодареніями. Онъ видитъ все, что мы дѣлаемъ, Онъ слышитъ все, что мы говоримъ; Онъ богатъ и могущественъ и внимаетъ всемъ, доверчиво призывающимъ Его“.

Этотъ примѣръ и отвѣтъ глубоко поразили сердце королевскаго принца. Съ этого времени онъ сталъ питать къ христіанскому Богу величайшее уваженіе, размышляя, что вѣра въ Него должна имѣть великую силу, если способна побуждать торговыхъ людей оставлять свои дѣла для молитвы, и давать имъ смѣлость громко исповѣдовать свою вѣру передъ королемъ, немилость котораго могла бы быть роковою для нихъ. Взойдя въ свою очередь на тронъ, онъ поспѣшилъ выслушать ученіе отца Ксаверія, какъ только узналъ о его прибытіи. Потомъ, все еще сомнѣваясь и желая во все вникнуть, онъ началъ жить по уставу бонзъ секты *Женсу*¹⁰⁾ построивъ для нихъ въ Узукуи домъ, превосходящій великолѣпіемъ всѣ ихъ жилища въ Имперіи, и призвавъ въ Міако большое число ученѣйшихъ изъ нихъ.

Въ секту *Женсу* чаще всего вступаютъ знатныя особы, по удобству ея ученія. Не довольствуясь рассказами о ней, принцъ пожелалъ слѣдовать ея правиламъ жизни и подчиниться обязанностямъ, какія она налагаетъ. Самой трудной изъ всѣхъ было ежедневное размышленіе о какомъ-либо изъ тысячи семисотъ тезисовъ, предлагаемыхъ этими бонзами ученикамъ своимъ. Подобно другимъ, ограничивая кару за грѣхи временными муками и заглушая всякое безпокойство относительно вѣчности, ихъ секта утверждаетъ, что послѣ настоящей жизни нечего ни надѣяться на счастье, ни опасаться мукъ.

Однако, это ученіе совсѣмъ не удовлетворило короля. Съ другой стороны, онъ не могъ рѣшиться разорвать узы, еще привязывавшія его къ радостямъ его сана и богатства.

Спѣшимъ замѣтить, что Японцы, принимавшіе христіанскую вѣру, исповѣдывали ее во всей строгости ея суровой морали. Они изслѣдовали ее болѣе или менѣе долго, въ зависимости отъ тѣхъ своихъ страстей, которыя она предписываетъ искоренять: но, разъ омытыя водами крещенія, они

¹⁰⁾ Вѣроятно, секта созерцателей, отъ слова Тэн-Цзё—небо или рай.

становились уже готовы претерпѣть всякое умерщвление духовной или тѣлесной страсти, по примѣру святыхъ первенствующей Церкви.

Болѣе всего удерживала короля Бунго ненависть, которую королева питала къ христіанамъ. Долгое время это было главнымъ препятствіемъ къ его обращенію.

Новообращенные его королевства, подчиняясь вліянію бонзъ уже начинали покидать вѣру святого Франциска-Ксаверія, когда послѣдній, замѣчая опасность, послалъ имъ изъ Малакки, отправляясь въ Китай, отца Балтазара Гаго, брата Педро д'Алькасева и брата Эдуардо де Сильва, которые прибыли въ Японію 4 Августа 1552 года.

Они пробыли недѣлю въ Танегасимѣ и затѣмъ отправились въ Фунэ. Немедленно по ихъ прибытіи, король велѣлъ ихъ позвать. Отецъ Балтазаръ передалъ ему письма и подарки отъ вице-короля Индіи. Король привялъ новоприбывшихъ благосклонно, назначилъ имъ домъ для жительства и велѣлъ щедро снабдить всѣмъ, что могло быть имъ необходимо.

Что же касается отца Ксаверія, выѣхавшаго изъ Гоа въ Китай, то онъ имѣлъ намѣреніе нести свѣтъ вѣры въ эту обширную имперію. Но прибывъ на островъ Сансіанъ, недалеко отъ Китая, святой мужъ умеръ, подавленный болѣзнями, покрытый заслугами, почти сверхчеловѣческими и обогащенный духовной жатвой Востока.

Начиная съ этого времени католицизмъ сталъ быстро распространяться въ Японіи. Отецъ Балтазаръ не зналъ языка страны. Какъ только о его прибытіи узналъ отецъ Косма де Торрець, онъ послалъ ему изъ Амангуци брата Фернандеца, чтобы служить ему переводчикомъ. О. Косма также благодарилъ короля Бунго за постоянныя милости его брата, короля Амангуци, которому онъ его рекомендовалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ для новоприбывшихъ свободы проповѣди въ королевствѣ Бунго.

Разрѣшеніе было немедленно даровано съ предложеніемъ получить на это жалованныя грамоты и вывѣсить ихъ, что и было исполнено. Тѣмъ временемъ посланцы святого Франциска отправились предварительно въ Амангуци, повидатся на этихъ далекихъ берегахъ со своими европейскими соотечественниками, и еще болѣе для совмѣстнаго празднованія приближающагося Рождества.

Это празднество справили со всею возможною торжественностью.

Какъ велика была радость добрыхъ миссіонеровъ сойтись вмѣстѣ для празднованія рожденія Спасителя, дотолѣ неизвѣстнаго въ этихъ странахъ, и совершать вмѣстѣ святаго таинства вѣры на краю земли, среди языческаго народа, но въ кругу новыхъ христіанъ, этой драгоценной для ихъ евангельскихъ душъ жатвы, пріятнаго сбора сладкихъ плодовъ многотруднаго посѣва!

Въ ихъ домѣ была устроена трапеза для множества гостей. Японскіе христіане все присутствовали на этомъ праздникѣ, а наиболѣе значительные изъ нихъ прислуживали за столомъ. Въ этотъ же день у дверей капеллы была поставлена кружка, чтобы каждый опускалъ туда свою милостыню бѣднымъ и больнымъ. Были установлены ежемѣсячные обѣды для бѣдныхъ города безъ различія исповѣданія, а по окончаніи стола происходили бесѣды о заповѣдяхъ Божіихъ. Когда окончились эти благочестивыя празднованія, отецъ Балтазаръ съ братомъ Фернандесомъ вернулись въ Бунго, а Педро д'Алькасева былъ посланъ обратно въ Индію поискать новыхъ дѣлателей для нивы Господней. Онъ вѣзъ письмо отъ короля Амангуци, который также просилъ прислать миссіонеровъ и благодарилъ вице-короля за полученные богатые подарки.

Въ первый годъ своего пребыванія въ Бунго отецъ Балтазаръ имѣлъ радость видѣть обращеніе болѣе семисотъ язычниковъ, которые и были крещены. Король далъ мѣсто для постройки церкви, рядомъ съ жилищемъ миссіонеровъ. Все предложили помощь для постройки, а христіане поголовно приняли въ ней участіе, бѣдные—работой, а богатые—деньгами. Немного времени спустя въ ней уже совершалось богослуженіе со всемъ подобающимъ величіемъ. Было рѣшено, что въ виду борьбы съ сектой Женсу, очень сильной въ народѣ, какъ и при дворѣ, два первые мѣсяца проповѣдь будетъ вестись только на четыре темы, именно: о смерти, о судѣ, объ адѣ и раѣ.

Въ 1553 году въ Японіи уже процвѣтали три церкви: въ Амангуци, въ Бунго и въ Аримѣ.

Найтондано, правитель Амангуци, и его двое дѣтей были христіане. Одинъ изъ городской знати принялъ крещеніе,

а съ нимъ триста членовъ его дома. За этимъ началомъ послѣдовали многочисленныя обращенія, въ томъ числѣ двухъ бонзъ изъ Міако, которые слыли глубокими философами и богословами.

Въ частной бесѣдѣ съ этими жрецами, пришедшими для состоянія съ отцами іезуитами, примѣръ обращенія святого Павла, приведенный отцомъ Торрецомъ, произвелъ на одного изъ нихъ такое впечатлѣніе, что онъ немедленно просилъ крещенія съ именемъ этого святого, а его спутникъ крестился съ именемъ Варнавы.

Первый сталъ ревностнымъ послѣдователемъ новаго ученія. Строгая жизнь, посты, молитвы, умерщвленіе плоти, постоянная проповѣдь съ самаго дня крещенія, перенесеніе всѣхъ тѣлесныхъ страданій, наконецъ—совокупность всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей: такимъ явился японскій апостоль, сумѣвшій—не превзойти въ заслугахъ своего славнаго патрона, Апостола язычниковъ, но, по крайней мѣрѣ, слѣдовать за нимъ наивозможно близко. Онъ прославился многими чудесами.

Эти важныя обращенія въ христіанство еще болѣе разъяряли бонзъ, старавшихся поэтому еще сильнѣе вредить миссіонерамъ. Они объявили въ видѣ послѣдняго средства, что законъ Иисуса Христа ничѣмъ не отличался отъ ихъ ученія, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ подробностей, совсѣмъ неважныхъ по существу, что, подобно закону Будды, онъ запрещалъ нанесеніе зла ближнему, прелюбодѣяніе, несправедливость, воровство и убійство; что христіанскіе священники также, какъ бонзы, живутъ на счетъ алтарей и жертвъ, воздаютъ тѣ же почести мертвымъ и имѣютъ такія же церемоніи. Изъ этого бонзы, заключали, что не слѣдовало оставлять вѣру предковъ и принимать новую, нисколько не лучшую.

Тогда отецъ Балтазаръ составилъ книгу на японскомъ языкѣ о разницѣ, существующей между христіанскою и японскою религіями. Онъ обнаружилъ всѣ заблужденія и беззаконія различныхъ сектъ, сравнительно съ евангельскою вѣрой.

Въ это время въ Фунэ произошло возстаніе противъ короля Бунго. Миссіонеры, успокоивъ послѣдняго, стали усердно молиться. И вотъ, точно чудомъ, партіи объедини-

лись. Дворянство и народъ стали за короля противъ возмущившихся вельможъ, изъ которыхъ одни были убиты въ борьбѣ, а другіе казнены со своими родственниками и друзьями. Ихъ замки были сожжены, и спокойствіе восстановлено. Король поспѣшилъ отправить одного изъ своихъ дворянъ къ отцу Балтазару, возвѣщая ему объ окончаніи волненій, о наказаніи виновныхъ, и повторяя увѣренія въ своемъ покровительствѣ. Въ то же время онъ далъ іезуитамъ участокъ земли около церкви, чтобы устроить на немъ христіанское кладбище.

Когда вскорѣ послѣ этого въ Хирато прибылъ португальскій флотъ, отецъ Балтазаръ отправился туда исповѣдывать Португальцевъ, дать помощь ихъ больнымъ, напутствовать умирающихъ и похоронить мертвыхъ.

Основаніе о. Вилелой церкви въ Міако.

Въ это же время Фернанъ Мендець Пинто, находившійся въ Гоа, посовѣтовалъ отцу Мельхіору Нунецу, Провинціалу Индіи, недавно прибывшему въ эту столицу, предпринять миссію въ Японію. По этому поводу былъ спрошенъ совѣтъ у отцовъ іезуитовъ города, у соборныхъ канониковъ и монаховъ орденовъ св. Доминика и св. Франциска.

Пинто былъ тогда однимъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ португальскихъ купцовъ. Послѣ своего перваго появленія въ Японіи, онъ туда возвращался нѣсколько разъ и даже находился во время пребыванія перваго миссіонера, отца Ксаверія, ставши его самымъ пламеннымъ почитателемъ и другомъ.

Воодушевленный благочестивой ревностью, онъ нарисовалъ отцу Нунецу блестящую картину успѣха, который вѣра могла бы имѣть отъ новой миссіи, руководимой самимъ Провинціаломъ Общества. Онъ изобразилъ въ самыхъ яркихъ краскахъ въ высшей степени религіозный и доброжелательный характеръ Японцевъ, пріемъ, сдѣланный святому Франциску, усѣявшему ихъ страну чудесами, и наконецъ предложилъ сопутствовать о. Провинціалу, хотя бы для того, чтобы умереть вмѣстѣ. Провинціаль не могъ понять, какъ этотъ купецъ, готовый вернуться въ Португалію

съ громадными богатствами, возымѣлъ желаніе ѣхать съ нимъ на полную приключеній миссіонерскую жизнь и сначала, отказался отъ проектовъ Пинто. Но послѣдній, упорствуя въ своихъ настоятельныхъ просьбахъ, обѣщаль основать семинарію въ Амангуци и дать подарки для поднесенія Императору.

Отецъ Нунецъ все еще не могъ ему повѣрить. Но остальные монахи всѣ были того мнѣнія, что слѣдуетъ предпринять это путешествіе и принять предложеніе Пинто, особенно въ виду преклоннаго возраста отца Космы Торреца, просившаго о преемникѣ, способномъ замѣстить его.

Однако, Игнатій Лойола, Генераль и основатель ордена, пребывавшій въ Римѣ, когда спросили его мнѣнія, не нашель удобномъ, чтобы всѣ Провинціалы Индіи разѣхались, кто на Молукскіе острова, кто въ Японію. Отвѣтъ этотъ отецъ Нунецъ получилъ въ Малаккѣ и приготовился уже вернуться назадъ. Монахи изъ Гоа, вслѣдствіе отрицательнаго мнѣнія Генерала, также настаивали на возвращеніи. Но письмо отъ князя Хирато побудило о. Нунца слѣдовать своей дорогой.

Несмотря на всѣ усилія высадиться въ Хирато, море заставило путешественниковъ бросить якорь въ Бунго. Тамъ происходило въ это время возмущеніе, вслѣдствіе ссоры двухъ японскихъ вельможъ, всѣ приверженцы которыхъ взяли за оружіе. Пріѣзжіе все-таки отправились въ Фунэ, откуда сражающіеся удалились.

Это было въ началѣ іюля 1556 года ¹¹⁾. Въ столицѣ находился какъ разъ самъ отецъ Торрець, также какъ и прочіе миссіонеры. Для нихъ было безконечной радостью увидаться и обнять другъ друга. Въ то время, какъ они бе-

¹¹⁾ Это было при Микадо Го Нара, который въ слѣдующемъ 1557 году умеръ, и на его мѣсто воцарился Микадо Ооги Мади. Впрочемъ, оба не имѣли никакаго значенія. Съегуномъ состоялъ Ёси-Тэру, котораго власть была также непрочно. Упомянутый выше Цѣ-Кэй продолжалъ сохранять свою вѣзаконную власть. Въ 1557 году Съегунъ вступилъ въ формальную войну съ Цѣ-Кэемъ, при чемъ оба имѣли на своей сторонѣ различныхъ феодаловъ, и послѣ нѣсколькихъ сраженій—рѣшили заключить миръ. Твердой центральной власти вообще не было, и отдѣльные аристократическіе дома продолжали властвовать, насколько у кого хватало силъ и войскъ.

сѣдовали и повѣствовали о своихъ приключеніяхъ, Пинто отправился къ королю, въ крѣпость, гдѣ тотъ заперся. Онъ ему представилъ письма отъ вице-короля Индіи и предложилъ великолѣпные подарки отъ донна Норонны, которые частью были пріобрѣтены на счетъ самого Пинто. Они состояли изъ оружія, украшеннаго золотомъ и драгоценными камнями, изъ дорогой парчи и множества лучшихъ, рѣдчайшихъ камней. Король, въ восторгѣ отъ выгодъ, доставляемыхъ ему пріѣздомъ миссіонеровъ, тотчасъ же отправился въ Фунэ, несмотря на опасность, еще грозившую ему тамъ. Но онъ рѣшился на это, чтобы встрѣтить миссіонеровъ въ своемъ дворцѣ со всеѣмъ княжескимъ великолѣпіемъ.

Провинціалъ Индіи отправился со всею пышностью къ королю. Это посольство было столь же величественно, какъ и посольство отца Ксаверія къ королю Амангуци. Сначала шли Португальцы - міряне, все въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, выступая подъ звуки трубъ и сопровождаемые множествомъ роскошно одѣтыхъ слугъ; за ними—четыре молодыхъ семинариста изъ Гоа, въ одеждахъ изъ бѣлаго атласа съ вышитымъ крестомъ на груди. Шестіе заключалъ отецъ Нунецъ, сопровождаемый братомъ Жуаномъ Фернандецомъ, который долженъ былъ служить ему переводчикомъ. Король принялъ его со словами: „Будьте самымъ желаннымъ гостемъ, мой дорогой отецъ. Этотъ день—одинъ изъ самыхъ отрадныхъ и счастливыхъ въ моей жизни, такъ какъ мнѣ кажется, будто я снова вижу отца Франциска, котораго любилъ такъ нѣжно и считалъ какъ бы мною самимъ“. Когда отецъ Нунецъ остался наединѣ съ королемъ въ его кабинетѣ, то выразилъ черезъ посредство Фернандеца, свою радость видѣть его, увѣряя, что преимущественно для того и предпринялъ путешествіе въ Японию.

„Я надѣюсь, прибавилъ онъ, скоро увидѣть васъ въ числѣ христіанъ. Для того, чтобы сообщить вамъ благодать крещенія, я оставилъ Индію и претерпѣлъ столько опасностей“.

За этимъ предложеніемъ послѣдовало горячее увѣщаніе, которое король выслушалъ со вниманіемъ. Потомъ онъ отвѣтилъ, что еще не пришло время ему принять христіанскую вѣру, о которой онъ имѣетъ однако самое высокое мнѣніе. Это былъ тотъ самый князь, который позднѣ сдѣлался христіаномъ.

ниномъ, изучивъ предварительно всѣ секты Имперіи. Онъ все-таки просилъ отца Нунеца приходить почаще бесѣдовать о Богѣ и таинствахъ.

Послѣдній собирался уже ѣхать къ королю Хирато, когда опасно заболѣлъ, и долженъ былъ вернуться въ Индію. Отецъ же Гаспаръ Вилела, пять другихъ монаховъ и пять семинаристовъ, которыхъ онъ привезъ съ собою для изученія языка страны и преподаванія въ ней катехизиса, остались въ Японіи.

Передъ своимъ отъѣздомъ о. Провинціальъ принялъ въ Общество двухъ изъ семинаристовъ и Людовика Альмейду, Португальца, который, пріѣхавъ изъ Индіи для торговли, употребилъ имѣвшіяся у него пять тысячъ эку на основаніе въ городѣ Фунэ двухъ пріютовъ: одинъ—для оставленныхъ всѣми прокаженныхъ, а другой—для дѣтей, которыхъ ихъ отцы и матери, за неимѣніемъ средствъ возростить, имѣли право подкинуть или умертвить.

Немного времени спустя, король Бунго, желая показать миссіонерамъ все свое расположеніе, предложилъ имъ значительную сумму для содержанія проповѣдниковъ, приходящихъ въ его владѣнія. Но миссіонеры просили его позволить имъ употребить этотъ даръ на основаніе новаго убѣжища въ Фунэ для бѣдныхъ больныхъ его королевства. Монархъ согласился на это. Онъ прибавилъ къ своему дару участокъ земли для постройки дома въ городѣ Хаката, столицѣ своего новаго королевства Сикугэнъ. Онъ покорилъ эту область въ войнѣ съ Мориндоно, которому отомстилъ за смерть своего брата, короля Амангуци.

Итакъ, въ Фунэ было въ это время три христіанскихъ пріюта: одинъ—для прокаженныхъ, другой—для дѣтей и одинъ для бѣдныхъ больныхъ. Отца Косму де Торреца отецъ Нунецъ назначилъ передъ своимъ отъѣздомъ настоятелемъ Японскихъ миссій. Въ Хирато, куда приглашали отца Нунеца, онъ послалъ отца Балтазара, брата Жуана Фернандеца и Пауло изъ Амангуци, обращеннаго бонзу. Они прибыли въ Хирато въ началѣ 1557 года, при чемъ путешествіе длилось всего нѣсколько дней.

Король принялъ ихъ съ величайшей радостью. Всѣ стремились слушать ихъ проповѣди. Отецъ Балтазаръ выказывалъ здѣсь свои глубокія познанія, братъ Фернандецъ бли-

сталъ краснорѣчіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ превосходно говорилъ по-японски. Но наибольшій интересъ возбуждалъ бонза Пауло, у котораго не было недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ. Супруга и старшій сынъ короля приняли крещеніе, также какъ одинъ изъ ихъ близкихъ родственниковъ, князь Такасима, во владѣніи котораго было много обращеній. Здѣсь крестилось шестьсотъ челоуѣкъ, и еще восемьсотъ душъ приняли христіанство въ его другой области—на островѣ Икусэкуи.

Благочестіе князя этихъ острововъ было такъ велико, что его примѣръ и увѣщанія увлекали подданныхъ еще сильнѣе, чѣмъ проповѣди миссіонеровъ. Его заботами храмы и дома были очищены отъ идоловъ, которыхъ побросали въ огонь и въ море. Скоро были выстроены три церкви, одна—посвященная Іисусу Христу, другая—Пресвятой Дѣвѣ, и послѣдняя—Кресту. Хранителями ихъ были избраны самые ревностные изъ христіанъ. Службы здѣсь были установлены по праздникамъ и воскресеньямъ. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, отецъ Балтазаръ со своими спутниками вернулся въ Хирато, куда призывалъ ихъ король. Они тамъ обратили еще тысячу триста, челоуѣкъ и основали два католическихъ храма.

Бонза Пауло, будучи опасно боленъ, просилъ отца Балтазара перевезти его въ Бунго, чтобы получить благословеніе отца де Торреца и отдать свою душу на рукахъ у того, кому онъ былъ обязанъ крещеніемъ. Онъ тамъ и умеръ, пріобщившись въ послѣдній разъ съ великимъ благочестіемъ. Торрець послалъ въ качествѣ его замѣстителя Гаспара Вилелу. Тотъ немедленно началъ проповѣдывать. Однажды, послѣ его проповѣди, къ нему обратился одинъ мальчикъ: „Отецъ мой, прошу васъ, крестите меня и сдѣлайте христіаниномъ!“—„Я это сдѣлаю, сынъ мой, — отвѣчалъ Вилела, — когда вы будете хорошо знать христіанское ученіе“.—„Значитъ, это будетъ сейчасъ, — замѣтилъ ребенокъ, — такъ какъ я его отлично знаю“. Предложивъ ему рядъ вопросовъ, отецъ Вилела убѣдился въ истинѣ его словъ.

Монахъ все-таки хотѣлъ отложить его принятіе на другой день.—„Нѣтъ, — воскликнулъ пламенный ученикъ, — я не выйду отсюда, пока не буду крещенъ“.

Видя явное дѣйствіе благодати Господа, изъ устъ мла-

денцевъ пожелавшаго принять хвалу, проповѣдникъ крестилъ ребенка и отпустилъ его удовлетвореннымъ. Прийдя домой, мальчикъ немедленно сталъ апостоломъ. Онъ съ такою силой говорилъ своему семейству о законѣ Христовомъ, что сразу обратилъ отца, мать, братьевъ и сестеръ. Черезъ нѣсколько дней онъ привелъ ихъ къ отцу Вилелѣ—полныхъ ревности и готовыхъ воспринять купель возрожденія.

Бонзы этой страны, подобно бонзамъ Сацумы, пылая гнѣвомъ при видѣ своихъ ниспровергнутыхъ храмовъ и разбитыхъ идоловъ, рѣшили уничтожить могущество враговъ, побѣдивъ ихъ въ преніи. Они надѣялись восторжествовать надъ христіанами. Хирадацэ—самый извѣстный изъ нихъ, наиболѣе знаменитый познаніями и авторитетомъ, сдѣлалъ вызовъ отцу Вилелѣ, который принялъ диспутъ.

Весь городъ присутствовалъ при спорѣ. Онъ окончился торжествомъ христіанскаго вѣроученія. Но надъ христіанскою церковью въ Хирато разразился роковой ударъ, вызванный неосторожностью самихъ христіанъ. На ихъ кладбищѣ былъ опрокинутъ крестъ, и они на это шумно жаловались. Не довольствуясь общаніемъ князя Антоніо, ревностнаго католика, наказать виновныхъ, они напали на монастырь бонзъ, зажгли его, потомъ взяли приступомъ храмъ, при чемъ идолы были сожжены или брошены въ море.

Это насиліе только ухудшило дѣло и пало всей тяжестью на отца Вилелу, котораго язычники несправедливо обвиняли въ подстрекательствѣ. Бонзы въ своихъ жалобахъ обрушились именно на него. У короля была потребована его высылка, и король согласился на это. Отецъ Вилела и его спутники выѣхали въ Бунго.

Церковь, съ любовью взирающая на самыхъ скромныхъ изъ своихъ служителей, никогда не забудетъ чистой крови, пролитой за вѣру одной христіанской рабыней. Она была первой мученицей Японіи. Эта рабыня ходила каждое утро молиться у подножія креста, поставленнаго христіанами на холмѣ за городомъ. Ея господинъ запретилъ ей это дѣлать, угрожая ей смертью, если она осмѣлится опять явиться на это мѣсто. Благочестивая дѣвушка отвѣчала, что „она не за тѣмъ сдѣлалась христіанкой, чтобы бояться смерти“. Однажды японецъ, узнавъ, что она опять пошла

молиться, разъяренный бросился ей навстрѣчу и, увидавъ ее, уже идущую назадъ, подбѣжалъ съ мечомъ въ рукѣ. Замѣтивъ его, рабыня покорно стала на колѣни, и поднявъ руки къ небу, подставила голову варвару, который обезглавилъ ее съ одного удара. Христіане похоронили мученицу съ подобающими религіозными почестями, благодаря Бога за твердость, ей дарованную, и побуждая другъ друга подражать ей примѣру.

Къ несчастью, для христіанъ въ скоромъ времени представилось даже слишкомъ много случаевъ для испытанія мужества. Христіанство, религія по существу своему монотеистическая, съ трудомъ могла укореняться въ Японіи. Религія *ками* пользовалась здѣсь всеобщимъ почитаніемъ.

Культъ Будды пустилъ также слишкомъ глубокіе корни, чтобы быть вырваннымъ безъ огромныхъ усилій. Если бы христіанская религія не терпѣла такихъ жестокихъ нападокъ въ самомъ принципѣ, то вѣроятно превосходство ея морали въ концѣ концовъ взяло бы верхъ. Но, опасаясь ея антагонизма съ другими вѣрованіями, японское правительство желало обезпечить внутренній миръ страны совершеннымъ изгнаніемъ христіанства.

Бонзы и ихъ сторонники вели непрерывную борьбу противъ христіанъ. Вслѣдствіе постоянныхъ волненій и преслѣдованій, миссіонеры принуждены были оставить Амангуци, Хирато и Хакату и укрыться въ Фуна. Здѣсь къ отцу Космѣ Торрецу собрались: отцы Балтазаръ и Гаспаръ Вилела, братья Фернандець, Эдуардъ де Сильва, Гильомъ и Людовикъ Альмейда и нѣсколько японскихъ христіанъ.

Настоятель воспользовался этимъ обстоятельствомъ для выполненія своей мечты продолжить дѣло святого Франциска-Ксаверія, забросивъ сѣмена вѣры въ самый центръ Имперіи, въ нѣдра столицы, чтобы отсюда она разрослась по всей странѣ.

Избранный имъ отецъ Вилела отправился, сопровождаемый двумя молодыми семинаристами, полными рвенія и преданности дѣлу. Они прибыли въ Міако 30-го ноября 1559 года. Послѣ непрестанныхъ опасностей ужаснаго путешествія они очутились въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Подготовившись къ своей миссіи десятидневнымъ размышленіемъ и молитвой, въ постѣ и умерщвленіи плоти, отецъ

Вилела вооружился распятіемъ. Посреди многолюдной площади онъ началъ проповѣдывать и, указывая на эмблему христіанства, приглашалъ прохожихъ прійти и внять ученію истиннаго Бога.

Любопытный народъ скоро окружилъ проповѣдника. Этотъ иностранецъ, съ его благородной, величественной рѣчью, съ символомъ невѣдомой религіи въ рукахъ, представлялъ еще невиданное ими зрѣлище. Но нападки отца Вилелы на ложность ихъ культа и на обманы бонзъ были встрѣчены большинствомъ слушателей не слишкомъ миролюбиво. Но всетаки любопытство превозмогло.

Какъ только разнесся слухъ, что чужестранный бонза проповѣдуетъ законъ, ни въ чемъ не сходный съ ихъ собственнымъ,—ученые, праздношатающіеся, политики, ревнители мѣстныхъ культовъ и сами бонзы собрались около него. Они старались смутить его лукавыми вопросами, но это не удалось. Эта побѣда была тѣмъ болѣе блестяща, что Японцы считаютъ себя самой просвѣщенной націей въ мірѣ, послѣ Китая, а на иноземцевъ смотрять съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ на невѣждъ и варваровъ. Поэтому всѣ интересовались европейскимъ бонзой, который выдержалъ диспутъ со всѣми бонзами Френосамы, самыми ученными въ Японіи.

Когда отецъ Вилела окрестилъ нѣсколькихъ изъ мѣстныхъ жителей,—первый плодъ его благочестивыхъ трудовъ,—въ лагерь бонзъ поднялась тревога, и они рѣшили отдѣлаться отъ своихъ враговъ. Они распространяли повсюду, что иностранцы были возмутителями и сѣятелями смутъ, что, входя въ городъ, они вносили за собой возмущенія и раздоры.

Такимъ образомъ они добились того, что власти дали приказъ хозяину миссіонеровъ прогнать ихъ изъ своего жилища. Домовладѣлецъ повиновался этому приказу со строжайшей точностью и попросилъ отца Вилелу немедленно уйти. Несчастный миссіонеръ медлилъ, не зная, гдѣ найти убѣжище, и мысленно отыскивая средства умиловить жестокаго хозяина. Но Японецъ взялъ саблю и замахнулся. готовый ударить его. Священникъ признавался потомъ, что онъ былъ охваченъ ужасомъ при видѣ блеснувшего надъ головой клинка, но прибавлялъ, что съ тѣхъ поръ никакая смерть уже не утрашала его, какъ бы она ни казалась ужасной.

Итакъ, нужно было уходить. Отецъ Вилела и его двое спутниковъ, подобно святому Франциску, снова дали примѣръ величайшаго самоотверженія въ страданіяхъ и униженіи. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, никакого убѣжища въ это суровое время года, они укрылись въ жалкомъ, заброшенномъ хлѣву, почти безъ крыши, открытомъ для холода и снѣга. Не имѣя для отдохновенія своихъ окоченѣлыхъ членовъ ничего, кромѣ сырой земли, они оставались здѣсь тѣмъ не менѣе три мѣсяца, въ борьбѣ съ самыми ужасными лишеніями. Оскорбленія, несправедливости, угрозы, всевозможныя обиды,—ни отъ чего они не были избавлены. Женщины, старики, дѣти, богатые и бѣдные,—всѣ соединились противъ несчастныхъ миссіонеровъ. Они черпали мужество въ молитвѣ, а надежду — въ чистотѣ своихъ чувствъ и намѣреній, направленныхъ къ величію Церкви. Они питались только дикими травами. Однако, терпѣніе апостола и его спутниковъ, святость ихъ жизни и нищета духовная, ихъ кротость и равнодушіе къ своему положенію,—все это получило наконецъ награду.

Отецъ Вилела, такъ ужасно покинутый всѣми, не пересталъ проповѣдывать божественное слово Евангелія на улицахъ и перекресткахъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ жителей тайно пришли къ нему и около ста изъ нихъ приняли крещеніе. Многіе изъ высшаго сословія признавали теперь правильнымъ его ученіе, отвергая его лишь по соображеніямъ чисто политическимъ.

Черезъ нѣсколько времени особымъ приказомъ Императора было дозволено отцу Вилелѣ жить въ Міако и проповѣдывать свое ученіе, при чемъ запрещалось всѣмъ лицамъ, какихъ бы то ни было званій, беспокоить его какимъ бы то ни было образомъ. Этой милостью миссіонеръ былъ обязанъ знаменитому Міосидоно ¹²⁾, одному изъ первыхъ вельможъ при

¹²⁾ Трудно понять, о комъ говорятъ здѣсь миссіонеры. Фамилія Ми-Ёси была многочисленна. Къ ней принадлежали враждующіе между собою лица. Къ фамиліи Ми-Ёси принадлежалъ и Цё-кэй, также какъ его противникъ Ми-Ёси Со-зо (у Японцевъ имя собственное ставится послѣ фамиліаго). Оба были вліятельны въ это время, хотя вообще если говорить „знаменитости“, то—это скорѣе относится къ Ми Ёси Цё-Кёю. Прибавка „доно“ означаетъ просто „господинъ“.

Подъ словомъ Императоръ—миссіонеры разумѣютъ здѣсь очевидно—
Л. Т.

дворѣ, очарованному его бесѣдами. Таковъ былъ успѣхъ, достигнутый въ нѣдрахъ столицы этой отдаленной Имперіи.

Новые успѣхи и неудачи христіанской миссіи.

Положеніе сразу измѣнилось. Императорскія жалованныя грамоты разомъ положили конецъ преслѣдованіямъ бонзъ. Съ этихъ поръ существованіе христіанской религіи въ Имперіи становилось легальнымъ. Въ этихъ грамотахъ глава государства даже поощрялъ своихъ подданныхъ принимать ее. Немедленно же отецъ Вилела съ пособіемъ отъ новообращенныхъ христіанъ приобрѣлъ обширный домъ, гдѣ онъ устроилъ часовню. Крестились также многіе изъ бонзъ, въ томъ числѣ знаменитый Кенсу, одинъ изъ самыхъ искусныхъ преподавателей и докторовъ богословія. Онъ сорокъ лѣтъ провелъ въ уединеніи, размышляя о тайнствахъ своей религіи, и составилъ множество крупныхъ работъ, которыя читались и служили для справокъ наравнѣ съ каноническими книгами, такъ какъ онѣ заключали въ себѣ толкованія самыхъ таинственныхъ мѣстъ ученія Будды.

Надменно вступилъ онъ въ бесѣду съ Вилелой, но его гордость постепенно спала передъ скромной добродѣтелью благочестиваго іезуита, передъ его ученостью, полной смиренія, передъ обаяніемъ его кротости и христіанской любви. „Я не за тѣмъ пришелъ, сказалъ бонза, чтобы узнать что-нибудь отъ тебя о будущей жизни: я самъ этому учу другихъ. Я знаю, чѣмъ я былъ до моего теперешняго существованія и чѣмъ я буду послѣ моей смерти. Я прихожу исключительно для того, чтобы развлечься на нѣкоторое время и узнать новости о другихъ странахъ, откуда ты прибылъ“.

Но скоро тонъ бесѣды измѣнился; и когда отецъ Вилела заговорилъ о Богѣ, Создателѣ вселенной, о бренности деревянныхъ и мѣдныхъ идоловъ, о дьяволѣ, объ раѣ и адѣ, о разумности христіанской религіи, о ложности смѣшного и нелѣпаго ученія бонзъ, Кенсу внезапно воскликнулъ:—„Я христіанинъ. Крестите меня!“ Это обращеніе глубоко поразило весь городъ. Буддѣйскій ученый сжегъ свои книги и сталъ апостоломъ Иисуса Христа. Его примѣръ и его рѣчи обратили громадное число Японцевъ, и пятнадцать френосамскихъ бонзъ крестились встѣдъ за нимъ.

Португальскіе купцы еще не появлялись въ Міако. Судите же, какова должна была быть сила напряженія вѣры, давшая такое нравственное вліяніе отцу Вилелѣ, человѣку одинокому, который—никому неизвѣстный, бѣдный и униженный—велъ успѣшную борьбу съ организованной силой всѣми почитаемой религіи чуждой страны. Никакого покровительства, никакой опоры; ничего, кромѣ собственныхъ силъ, терпѣнія и вѣры.

Новыя преслѣдованія со стороны бонзъ заставили его, однако, бѣжать изъ Міако, чтобы избѣгнуть позора быть выгнаннымъ. Его предупредилъ объ этомъ Міосидоно, его вѣрнѣйшая опора, убѣждая еще разъ благоразумно уступить передъ этой новой бурей. Отецъ Вилела удалился въ одинъ изъ домовъ своего великодушнаго друга, отстоящій на нѣсколько льѣ отъ города. Но черезъ четыре дня онъ уже началъ негодовать на себя за недостатокъ мужества, который онъ клеймилъ названіемъ подлости и, желая загладить свое удаленіе, которое считалъ позорнымъ, онъ рѣшилъ вернуться въ Міако и скорѣе умереть тамъ, чѣмъ обезчестить свое служеніе. Итакъ, онъ возвратился болѣе твердымъ, чѣмъ когда-либо.

Во время его отсутствія Міосидоно освѣдомилъ Императора о враждебномъ и неправомъ замыслѣ бонзъ, подрывающемъ его авторитетъ. Тогда новыми грамотами, еще болѣе широкими и почетными, чѣмъ первыя, было запрещено подъ страхомъ жесточайшаго наказанія препятствовать отцу Вилелѣ въ свободной проповѣди и дѣлать помѣхи въ его миссіи, а ему дозволялось навсегда основаться въ Міако. Этотъ эдиктъ былъ во всеуслышаніе прочитанъ и затѣмъ расклеенъ на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ города, *чтобы никто не отговаривался невѣдѣніемъ*. Такимъ образомъ, отцу Вилелѣ, послѣ столькихъ скорбей, перенесенныхъ имъ съ неизмѣнной твердостью, досталось слава еще прочнѣе утвердить въ Міако знамя вѣры Христовой.

Съ 1560 по 1570 годъ труды монаховъ, несмотря на постоянное противодѣйствіе бонзъ, пріобрѣтали все большее значеніе и достигали все болѣе счастливыхъ результатовъ. Отецъ Вилела многихъ обратилъ ко Христу въ городѣ Сакэ. Однако, предъ умственнымъ взоромъ жителей постоянной преградой воздвигались три препятствія: бонзы не упускали

случая распространять повсюду, что новое ученіе было противно общественному спокойствію, что оно вызывало волненія и гражданскія войны и что въ Сакэ случится то же, что было въ Бунго, въ Хакатъ, въ Хирато и въ Амангуци, откуда миссіонеры были изгнаны.

Противъ миссіонеровъ говорила также гордость мѣстныхъ обитателей, самыхъ богатыхъ и надменныхъ въ Японіи; ихъ тщеславіе возмущалось противъ религіи, предписывавшей уничтоженіе и бѣдность. Наконецъ, имъ мѣшала строгость христіанской нравственности, отвергавшая полигамію и всѣ наслажденія, дозволенные ихъ богами.

Пробывъ мѣсяць въ Сакэ, отецъ Вилела вернулся въ Міако. Изъ Индіи къ отцу Торрецу прибыли три монаха Общества Іисусова; возблагодаривъ Небо, онъ тотчасъ же послалъ подмогу своему сотруднику. Они явились на проповѣдь Великимъ постомъ 1563 года. Король Омуры принялъ крещеніе съ тридцатью вельможами своего Двора, такъ же какъ королева и ея фрейлины. Князь получилъ имя Вареоломея. Какъ ни старался онъ умѣрить свое рвеніе и не раздражать бонзъ, но не могъ совладать съ собой. Одушевлявшая его ревность о Богѣ внушила ему такое отвращеніе ко всѣмъ языческимъ суевѣріямъ, что онъ не въ силахъ былъ не бороться противъ нихъ.

Японцы поклоняются одному идолу, имѣющему видъ вооруженнаго великана, шлемъ котораго оканчивается пѣтухомъ съ распростертыми крыльями. Они зовутъ его Мантифеномъ ¹³⁾, или богомъ войны. Такъ какъ въ эту эпоху князья почти постоянно враждовали другъ съ другомъ, то этотъ богъ пользовался у нихъ большимъ почтеніемъ; отправляясь въ походъ, они приходили вопрошать его объ исходѣ войны. Даже и теперь собранныя войска никогда не забываютъ пройти мимо его храма. Каждый солдатъ расprostирается передъ идоломъ, складывая оружіе и преклоняя знамена въ знакъ почтенія и подчиненія.

На другой же день послѣ своего крещенія Вареоломей, отправляясь въ армію къ ждущему его брату, королю Аримы.

¹³⁾ Слово „Мантифенъ“. повидимому, искаженное. Что касается бога войны, то онъ вообще называется у Японцевъ Гунъ-Синъ.

проѣзжалъ мимо храма бога войны. Онъ велѣлъ своимъ войскамъ остановиться. Воспламененный благочестивою ревностью, онъ приказалъ солдатамъ ниспровергнуть идола и влачить по улицамъ, а самъ, вынувъ саблю, до тѣхъ поръ безостановочно рубилъ его, пока не отрубилъ ему голову. „О, сколько разъ ты меня обманывало, ложное божество, приговаривалъ онъ. Справедливо отплатить тебѣ за весь вредъ, который ты мнѣ причинило“. Затѣмъ, приказавъ сжечь храмъ съ обломками идола, онъ велѣлъ воздвигнуть на этомъ мѣстѣ крестъ, передъ которымъ и преклонился со своей свитой.

Но члены Совѣта, оскорбленные тѣмъ, что король безъ ихъ согласія отмѣнилъ древнюю религію и ввелъ новую, изгналъ бонзъ, ниспровергъ ихъ храмы, идоловъ, и обратилъ въ развалины ихъ монастыри, рѣшили отомстить ему за это. Съ такой цѣлью они льстиво одобряли чувства князя и сами, казалось, горячо желали сдѣлаться христіанами; они уговаривали его призвать отца Торреца, который бы окрестилъ ихъ. Они высказывали также желаніе переговорить съ нимъ и съ другими іезуитами насчетъ великолѣпной церкви, которую король предполагалъ выстроить въ Омурѣ. Въ день, назначенный для прибытія отца Торреца, вспыхнулъ заговоръ противъ его жизни и старикъ счастливо избѣжалъ опасности только вслѣдствіе того, что по нездоровью отложилъ на нѣсколько дней поѣздку.

Во время послѣдовавшихъ безпорядковъ городъ былъ сожженъ. Королю пришлось бѣжать изъ объятаго пламенемъ дворца, спасаясь отъ посягавшихъ на его жизнь враговъ. Онъ укрылся въ близъ лежащемъ лѣсу, куда ему тайно приносилъ пищу одинъ китаецъ, единственный человѣкъ, знавшій это убѣжище. Еще одно обстоятельство способствовало недовольству, ставшему роковымъ для короля. Въ его королевствѣ существовалъ обычай разъ въ годъ возжигать виміамъ предъ статуей предшествоваго короля и воздавать ей почести. Вареоломей, не считавшій нужнымъ поддерживать этотъ культъ, вошелъ въ храмъ во время церемоніи; но вмѣсто того, чтобы возжечь куреніе передъ статуей, онъ опрокинулъ ее и велѣлъ влачить ее по храму, а потомъ бросить въ огонь. Этотъ рѣзкій и насильственный поступокъ возбудилъ раздраженіе бонзъ, оскорбилъ дворянъ и произвелъ общій скандалъ. Это подало мысль двѣнадцати недо-

вольнымъ членамъ Королевскаго Совѣта предложить Готондоно, побочному сыну покойнаго короля, изображеніе котораго потерпѣло такое поруганіе, отомстить за обиду, нанесенную памяти его отцовъ и овладѣть престоломъ, несправедливо отнятымъ у него въ пользу посторонняго лица.

Они увѣрили его, что Симитанда, король Вареоломей, возбудилъ своимъ нечестіемъ и неистовствами ненависть бонзъ и дворянъ всего королевства, также какъ и всѣхъ своихъ подданныхъ, и что стоило только ему, Готондоно, появиться, — какъ онъ найдетъ всѣхъ готовыми его принять и будетъ немедленно провозлащенъ королемъ.

Они предложили ему всю свою помощь совѣтами, войсками и деньгами. Они на вербовали ему приверженцевъ, подняли противъ короля всѣхъ враговъ и Готондоно, имѣя всѣ выгоды содѣйствовать ихъ планамъ, позволилъ имъ поступать, какъ они сочтутъ нужнымъ.

Въ послѣдовавшемъ разграбленіи и пожарѣ города лозунгомъ нападавшихъ было: „Да здравствуетъ Готондоно, король Омурь!“ Однако, новый князь, какъ ловкій политикъ, не проявилъ никакой жестокости. Христіане готовились къ смерти и мукамъ. Онъ имъ ничего не сдѣлалъ. Только были расквартированы въ городѣ войска. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ зажгли церковь и отцы іезуиты, укрывшіеся въ порту на португальскихъ корабляхъ, смотрѣли съ горестью, какъ она исчезла въ пламени.

Симитанда, низвергнутый король, братъ владѣтеля Аримы, достигъ престола не прямымъ путемъ. Предшествовавшій король, его старшій братъ, не оставилъ, умирая, другихъ наследниковъ кромѣ сына отъ одной китайской наложницы; и главные вельможи королевства, находя, что корона не должна достаться этому незаконному ребенку, посадили на престолъ младшаго брата покойнаго короля. А этому побочному сыну дали землю Гото, откуда онъ получилъ имя Готондоно. Двѣнадцать лѣтъ Симитанда мирно правилъ своимъ королевствомъ, какъ вдругъ однажды ему попалась маленькая книжечка, составленная отцомъ Вилелой въ формѣ діалога и у него возникло желаніе увидѣть отца де Торреца. Чтобы обнаруженіемъ склонности къ христіанству не оскорбить Совѣта и не возбуждать волненій въ королевствѣ, онъ предложилъ привлечь въ страну Португальцевъ подъ предло-

гомъ того, что торговля съ ними обогатитъ его подданныхъ. Его предложеніе было принято.

Было отправлено отцу де Торрецу письмо съ просьбой прислать монаховъ и съ обѣщаніемъ построить для нихъ церковь, дать имъ содержаніе, и предоставить Португальцамъ гавань, свободную отъ всякихъ пошлинъ и таможенныхъ сборовъ. Это былъ портъ Вокосьюра, одинъ изъ наибольшихъ и наилучшихъ въ Японіи. Братъ Алмейда тотчасъ же отправился въ Омуру, за нимъ послѣдовалъ немного спустя и отецъ де Торрець.

Нигдѣ, можетъ-быть, христіанская религія не исповѣдывалась съ такимъ жаромъ, какъ среди вѣрныхъ въ Японіи. Когда отецъ де Торрець проѣзжалъ черезъ портъ Вокосьюру, туда толпами стекались христіане изъ лежащихъ лишь въ нѣсколькихъ верстахъ Хирато и Такусимы, уже долгое время лишенные священниковъ. Отецъ де Торрець и братъ Фернандецъ, пріѣхавшій изъ Хакаты, проводили дни и ночи въ молитвахъ и исповѣдуя народъ. Такъ какъ ихъ силъ не хватало на это, то пришлось запретить христіанамъ приходить болѣе чѣмъ по тридцать человѣкъ за одинъ разъ. Ихъ набожность была такъ велика, что они проводили цѣлые дни въ церкви, молясь, слушая проповѣди, исповѣдуясь и причащаясь, не вкушая никакой пищи и не давая времени священникамъ подкрѣпиться ею.

Они устроили этимъ постомъ, въ Великую пятницу, процессію къ одной горѣ, на которой отцомъ де Торрецомъ былъ воздвигнутъ крестъ. Они шли облеченные во вретища и съ терновыми вѣянцами на головахъ. Во все время благочестиваго странствія женщины поливали землю слезами, а мужчины—кровью, текшею отъ жестокаго самобичеванія.

Когда они предавались этому мужественному покаянію въ церквахъ, то весь полъ становился окровавленнымъ. Но когда наступила Пасха—все измѣнилось: терновые вѣнцы были замѣнены цвѣточными, а вретища самыми богатыми одеждами. Король Аримы отправивъ къ о. де Торрецу въ портъ Вокосьюру двухъ придворныхъ съ письмомъ, также просилъ прислать ему монаховъ. Онъ прибавлялъ къ этому обычное обѣщаніе построить имъ церковь и дать содержаніе. Отецъ де Торрець выбралъ для этой миссіи брата Алмейду, который обратилъ въ христіанство многихъ изъ жи-

телей. Но когда былъ изгнанъ король Омуры, одинъ изъ его родственниковъ, бывший въ союзѣ съ Готондоно и бунтовщиками, внезапно поднялъ оружіе и низложилъ короля Аримы. Тотъ не могъ даже попытаться защищать себя и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Враги христіанской вѣры, возбудившіе эти раздоры, увидѣли съ радостью, какъ два короля, два брата, почти одновременно были лишены престоловъ и изгнаны, или, вѣрнѣе, бѣжали изъ своихъ владѣній.

Эти извѣстія ошеломили христіанъ и наполнили радостью сердца язычниковъ. Они громко провозглашали, что не было больше мѣста сомнѣніямъ въ томъ, что христіанская вѣра приноситъ несчастье повсюду, гдѣ проповѣдуется; что она есть сѣмя войнъ и возмущеній, такъ какъ всѣ благопріятствовавшіе ей короли немедленно испытали на себѣ гнѣвъ боговъ. Они даже утверждали, что христіанскій Богъ долженъ быть очень слабымъ и жалкимъ, если Онъ не можетъ защитить своихъ служителей; что, если бы Онъ обладалъ какой-нибудь властью на землѣ и любилъ своихъ поклонниковъ, то обнаружилъ бы это, давъ имъ торжество надъ врагами. „А между тѣмъ, говорили они новообращеннымъ, вы вездѣ разбиты и подчинены своимъ противникамъ, и каждый, кто становится христіаниномъ, долженъ быть готовъ ко всевозможнымъ несчастьямъ“. Это было жестокое испытаніе и большой соблазнъ, способный поколебать даже самыхъ ревностныхъ и твердыхъ въ вѣрѣ. Монахи, жившіе въ Бунго, уже считали своего настоятеля отца де Торреца, брата Фернандеца и отца Людовика Фрѣза навсегда погибшими для себя и для Церкви. Но они не были побѣждены несчастьями. Оскорбляемые бонзами, лишеныя всякой земной помощи, почитаемые всѣми за враговъ общественнаго спокойствія, вносящихъ повсюду за собой мечъ и огонь, они не переставали утѣшать христіанъ, ободряя ихъ и утверждая въ вѣрѣ. Они говорили, что Богъ наказываетъ тѣхъ, кого любить, что Онъ испытываетъ поклоняющихся Ему, что удѣлъ добрыхъ — крестъ, что никто не получаетъ вѣнца безъ побѣды и не побѣждаетъ безъ борьбы. Они напоминали, что тотъ, кто желаетъ служить Богу, долженъ ждать преслѣдованій со стороны людей и демоновъ; что едва родился Сынъ Божій, земные князья

возстали на Него и хотѣли лишить Его жизни; что, по Его же предсказанію Своимъ послѣдователямъ, они будутъ всѣми ненавидимы и мучимы; что Церковь возросла и окрѣпла въ гоненіяхъ; что не могла бы и считаться божественной та религія, на которую не ополчаются злые, и что вѣрнѣйшій признакъ ея святости въ томъ, что она не можетъ быть въ союзѣ ни съ какой другой.

Въ 1564 году въ Японіи было пятнадцать іезуитовъ: семь священниковъ и восемь діаконовъ. Священники были: Косма де Торрець—настоятель, Гаспаръ Вилела, Людовикъ Фрѣзъ, Жанъ Баптистъ де Монъ, Мельхіоръ де Финереди, Балтазаръ Акоста и Жуанъ Кабраль. Братія были: Жуанъ Фернандецъ, Людовикъ д'Альмейда, Іаковъ Гонзалесъ, Аріасъ Санхець и нѣсколько другихъ Японцевъ и Португальцевъ.

Отець де Торрець послалъ, какъ было сказано, Людовика Фрѣза и Людовика Альмейду въ Міако помогать отцу Вилелѣ, подавленному работой. Отець Акоста получилъ приказъ оставаться въ Хирато. Кабралю была поручена Такусима и сосѣдніе острова; Жанъ Баптистъ Де Монъ былъ посланъ въ Бунго. Торрець и Финереди основались въ портъ Коцинозу, откуда они могли помогать христіанамъ Симабары, Аримы и Омуръ все еще терпящимъ преслѣдованія. Фрѣзъ и Альмейда оставили королевство Бунго 31 декабря 1564 года и отправились въ Міако. Они сюда прибыли въ сопровожденіи трехъ христіанъ 31 января 1565 года. Братъ Альмейда, заболѣвъ, остался въ Сакэ. Вилелѣ было въ это время сорокъ два года; каково же было удивленіе отца Фрѣза, когда онъ увидаль его столь посѣдѣвшимъ и дряхлымъ, какъ будто ему было восемьдесятъ. Послѣдніе пять лѣтъ онъ жилъ въ Міако, Церковь котораго, подобно дереву цвѣтушему въ ясные весенніе дни, была въ это время самой процвѣтающей въ Имперіи.

Политическія бури были еще очень часты въ Японіи. Съ перваго августа этого же 1565 года все измѣнилось въ столицѣ ¹⁴⁾. Двое министровъ Съёгуна, составили противъ него

¹⁴⁾ Переворотъ, низвергшій Съёгуна Ёси Тэру, произошелъ такимъ образомъ.

Фамилія Ми Ёси, при Цѣ-Кѣъ стала господствующей въ Кіото и дер-

заговоръ; одинъ былъ Миосидоно, канцлеръ Имперіи, чрезвычайна скрытнаго характера, другой—Дасандоно, командо-

жала въ рукахъ какъ Микадо, такъ и Съёгуна. Въ послѣднее время жизни Цё-Кэй, однако, совершенно подчинился нѣкому Мацу Нага, собственной креатурѣ, незнатному выскочкѣ. Мацу Нага внушалъ Цё-Кёю что хотѣлъ. Когда въ 1563 Цё-Кэй умеръ—Мацу Нагъ и всему дому Ми Ёси угрожало паденіе. Поэтому они составили заговоръ, измѣнически убили Съёгуна Ёси Тэру и одного его брата и провозгласили Съёгуномъ Ёси Хидэ.

Однако, другой братъ убитаго Съёгуна, по имени Ёси Аки, успѣлъ убѣжать и заявилъ свое претенденство на наслѣдіе Съёгуната (дѣтей у убитаго Ёси Тэру не было). Сначала дѣла Ёси Аки шли плохо. Но въ 1568 г. онъ нашель защитника въ Нобунагѣ (изъ фамиліи О-та), къ которому обратился и самъ Микадо съ просьбой сокрушить своеволие дома Ми Ёси. Нобунага успѣлъ смирить узурпаторовъ, и Съёгуномъ сталъ Ёси-Аки.

Этотъ то Ёси Аки фигурируетъ въ разсказѣ Фрессинэ подъ именемъ Кава-доно. Быть можетъ—это было одно изъ его именъ, которыя часто мѣнялись въ Японіи. Ёси Аки дѣйствительно не только поступилъ въ бонзы, но уже былъ настоятелемъ монастыря, когда переворотъ, погубившій его брата, вызвалъ его самого къ политической борьбѣ.

Что касается Нобунаги, то, возстановивъ власть Съёгуна, онъ естественно получилъ въ государствѣ наиболѣе вліятельное положеніе. Но онъ долго держался, по внѣшности, очень скромно, избѣгая пышныхъ титуловъ. Взамѣнъ того онъ заботился объ усиленіи своей фактической власти.

Японія представляла въ то время почти олигархію. Власть считалась не столько по учрежденіямъ, сколько по лицамъ. Кто имѣлъ больше владѣній и войска—тотъ имѣлъ и власть. Нобунага, какъ защитникъ не только Съёгуна, но самого Микадо, требовалъ отъ феодаловъ подчиненія себѣ, а за непокорство отнималъ у нихъ княжества и раздавалъ своимъ родственникамъ и креатурамъ, округляя и свои собственные владѣнія.

Нобунага былъ тонкій политикъ и умѣлъ пользоваться людьми. Онъ вывелъ въ люди крестьянскаго сына Хидэ-Ёси, котораго огромные таланты толкнули на дорогу военно-политическаго авантюризма. Впослѣдствіи этотъ Хидэ-Ёси сталъ владыкой Японіи—завоевателемъ Кореи, знаменитымъ „Тайко-сама“.

Въ это же время сталъ выдвигаться другой авантюристъ изъ захудалыхъ аристократовъ, Ёясу, фамиліи Токугава. Нобунага сначала съ нимъ воевалъ, а потомъ помирился на условіи — достигать власти вмѣстѣ, и затѣмъ — добровольно предоставить первенство тому, кто окажется счастливѣе...

Политика фактическаго захвата власти со стороны Нобунаги стала подозрительна Съёгуну, и между ними началась борьба. Нобунага низвергъ его и сталъ владыкой Японіи.

Низверженіе Съёгуна Ёси Аки произошло въ 1573 году.

Нобунага явился вообще покровителемъ христіанъ. Едва ли тутъ была

вавшии всѣми войсками, самый жестокий, лукавый и честолюбивый изъ людей. Ихъ цѣлью было лишить его короны, которую онъ самъ захватилъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ.

Изъ этихъ двухъ вельможъ Мюсидоно былъ особенно любимъ Императоромъ, отъ котораго онъ ни разу ни въ чемъ не слышалъ отказа. Онъ былъ его довѣреннымъ лицомъ и его любимцемъ. И онъ же вовлекъ Дасандоно въ заговоръ.

Черезъ нѣсколько дней ихъ господинъ, осажденный въ своемъ пылавшемъ дворцѣ, погибъ, спасаясь изъ него бѣгствомъ. Молодая Императрица, женщина высокой добродѣтели и благочестія, была присуждена къ обезглавленію. Она отдалась въ руки палачей со стоицизмомъ, достойнымъ величайшихъ героевъ древности.

Христіанство было отвергнуто. Миссіонеры подвергались тысячамъ опасностей и эдиктъ объ ихъ изгнаніи, возвѣщенный при звукахъ трубы, былъ расклеенъ на всѣхъ перекресткахъ.

У Сьѣгуна былъ братъ, по имени Кавадоно, кроткій и религіозный, жившій въ монастырѣ бонзъ. Заговорщики распространили слухъ, что они лишили короны Императора въ пользу Кавадоно. Но они не смѣли возложить ее на того, для кого, какъ они утверждали, она была похищена. Изъ безопаснаго убѣжища жилище Кавадоно сдѣлалось тюрьмой.

какая нибудь примѣсь религіознаго чувства. Нобунага, въ борьбѣ съ феодалами, принужденъ былъ очень много воевать съ бонзами. Буддійскіе храмы и монастыри имѣли обширныя владѣнія и сильныя войска. Они принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ тогдашнихъ олигарховъ. По случайностямъ партійныхъ комбинацій—бонзы оказывались на сторонѣ враговъ Нобунаги. Онъ поэтому радъ былъ подорвать ихъ вліяніе въ народѣ. Сверхъ того, онъ искалъ союзниковъ, гдѣ только возможно, и не прочь былъ привлечь на свою сторону христіанскихъ князей Южной Японіи. Въ пользу дружественныхъ отношеній съ миссіонерами онъ имѣлъ случай убѣдиться при опасной борьбѣ съ Така Яма. Нобунага никакъ не могъ взять крѣпкаго замка нѣкоего Така Ямы. Но этотъ владѣтель былъ христіанинъ, и Нобунага обратился къ посредничеству миссіонеровъ. Миссіонеры убѣдили Така Яму покориться, а Нобунага далъ ему полное помилованіе. Этотъ фактъ имѣлъ рѣшающія послѣдствія для тогдашней борьбы Нобунаги, и доказалъ пользу дружественныхъ связей съ миссіонерами.

Л. Т.

Видя, что ему необходимо спастись отсюда во что бы то ни стало, онъ бѣжалъ и укрылся въ крѣпости одного феодала, по имени Ватадоно. Этотъ Ватадоно выставилъ ему войско подъ своей собственной командой. Съ помощью Нобунаги, одного изъ самыхъ грозныхъ воителей въ Имперіи, претендентъ былъ окончательно возстановленъ на престолѣ.

Съ мечомъ въ рукѣ, Нобунага велѣлъ возстановить императорскій дворецъ. Благоприятствуя христіанамъ, онъ ниспровергъ языческихъ идоловъ и велѣлъ влачить ихъ по городу. Такъ какъ для постройки дворца не находилось достаточно красиваго камня, то для украшенія зданія были взяты по его приказу великолѣпныя, дорогія панели изъ лучшихъ храмовъ Міако и Нары. Этотъ полководецъ былъ по смерти Кавадано самой твердой опорой христіанъ, которые не замедлили съ торжествомъ вернуться въ Міако.

26 мая 1568 года отецъ Фрѣзъ по приказанію Кавадано снова былъ призванъ въ Міако. Отсюда вѣра распространялась по сосѣднимъ владѣніямъ до самой смерти отца-настоятеля Космы де Торреца, послѣдовавшей въ 1570 году. Доблестный сподвижникъ святого Франциска-Ксаверія, братъ Фернандецъ, прежде его переселился въ вѣчную жизнь. Скоро и отецъ Вилела послѣдовалъ за ними получать вѣнецъ, который онъ пріобрѣлъ своими великодушными трудами.

Ни въ одной странѣ проповѣдническая дѣятельность миссій не была такъ плодотворна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ тяжела по враждебному къ ней отношенію, какъ въ Японіи. Здѣсь побѣды постоянно смѣнялись пораженіями. Миссіонеры были ежечасно изгоняемы, гонимы, преслѣдуемы и потомъ снова призывались теченіемъ безпрестанно смѣняющихся счастливыхъ и несчастныхъ обстоятельствъ. Японскіе христіане испытывали ту же перемѣнчивость судьбы: то они были почитаемы, то гонимы. Это была непрестанная борьба: постоянный успѣхъ христіанскаго ученія—съ одной стороны, а съ другой—упорный антагонизмъ противоположныхъ интересовъ, представителями которыхъ являлись жрецы и послѣдователи Будды.

Слѣдующій примѣръ одного дитяти, окрещеннаго братомъ Альмейдой въ королевствѣ Гото, показываетъ съ какой строгостью правилъ христіанская религія была понята и принята въ Японіи.

Старшій сынъ короля, встрѣтивъ однажды этого ребенка, спросилъ его: „Какъ тебя зовутъ?“ Ребенокъ отвѣчалъ, что его зовутъ Христофоромъ. „Христофоръ?—воскликнулъ молодой принцъ;—что это за варварское имя? Еще недавно у васъ было другое?“—„Это правда,—отвѣчалъ мальчикъ,—но ставъ христіаниномъ, я перемѣнилъ какъ вѣру, такъ и имя.“—„Какъ, несчастный,—сказалъ принцъ, ты христіанинъ? Ты принадлежишь къ сектѣ людей, которые ѣдятъ такихъ дѣтей, какъ ты? Недолго же ты будешь пользоваться жизнью, вскорѣ они отлично пообѣдаютъ на твой счетъ“.

Мальчикъ, не смутившись, смѣло отвѣчалъ ему: „Христіанская вѣра запрещаетъ убивать кого бы то ни было, и всѣ эти клеветы—выдумки бонзъ. Есть только одинъ истинный Богъ, создавшій небо и землю, Владыка вселенной. Ваши боги,—продолжалъ онъ,—не боги, но безчувственные куски камня и дерева. Это—изображенія злыхъ людей, которые теперь горятъ въ адскомъ пламени за свои грѣхи, а тѣ, кто имъ поклоняется, будутъ горѣть вмѣстѣ съ ними“. Принцъ, изумленный возраженіемъ и вспыхнувъ гнѣвомъ, или, можетъ-быть, только желая принять видъ разгнѣвавашагося, выхватилъ мечъ: „Такъ ты вотъ какъ говоришь о нашихъ богахъ въ моемъ присутствіи? Ты сейчасъ же умрешь, если не воздашь имъ чести!“

Но смѣлнй ребенокъ, не измѣнившись въ лицѣ, отвѣчалъ ему: „Поистинѣ, принцъ, много будетъ вамъ чести убить безоружнаго и беззащитнаго ребенка! И какую бѣду можете вы мнѣ сдѣлать этой саблей? Поразите ли вы мою душу? Помѣшаете развѣ ей выйти изъ тѣла? Если бы было такъ, я могъ бы бояться; но вы откроете ей дверь, чтобы вознестись на небо, а это все, чего я желаю. Такимъ образомъ, вы мнѣ доставите жизнь лучшую, чѣмъ отняли“. Обезоруженный или озадаченный принцъ оставилъ его, увѣряя, что хотѣлъ только испытать его мужество.

Въ 1581 году японская церковь была раздѣлена отцомъ Александромъ Валинано, бывшимъ тогда главнымъ наблюдателемъ (*Visiteur Général*) на три отдѣла: первый и главный былъ въ Міако, отъ котораго зависѣли отдѣлы въ Анзукамъ и въ Талакуи. Здѣсь повсюду были священники, братія и семинаріи. Второй получилъ свое названіе отъ Симо, другой части Имперіи, гдѣ было наибольшее число церквей и

молитвенныхъ домовъ. Отъ него зависѣли отдѣлы въ Фунэ, Везакуи, Носенѣ, Хакатѣ, Цикунго, Хіого, Сацумѣ. Третій составлялся изъ четырехъ королевствъ, изъ владѣтелей которыхъ одинъ, король—Тоза, былъ обращенъ въ христіанство. Въ это время въ Японіи было сто пятьдесятъ тысячъ христіанъ, двѣсти церквей и пятьдесятъ девять монаховъ Общества Іисусова, не считая множества исполненныхъ ревности и познаній молодыхъ Японцевъ, которые помогали въ обученіи неофитовъ. Отецъ Валинано, отъѣзжая въ Индію, собралъ своихъ сотоварищей въ Нагасаки. Онъ назначилъ отца Мельхіора де Мора Провинціаломъ и Настоятелемъ всѣхъ монашествующихъ Имперіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).
